
К ЮБИЛЕЮ НАШЕГО ЖУРНАЛА

А. В. ЖДАНКО

К ПЯТИЛЕТИЮ ЖУРНАЛА «ФИЛОСОФИЯ И ОБЩЕСТВО»

Журнал «Философия и общество» (сокращенно ФиО) был основан в Москве в 1997 г. Л. Е. Грининым – волгоградским предпринимателем, возглавляющим издательство «Учитель». На конец 2001 года журналу исполнилось ровно пять лет, за которые вышли 25 выпусков: первые два года, 1997–1998, в год выходило по шесть номеров, в 1999 – пять номеров, а с 2000 года – четыре номера в год. Это немалый срок и, как показано ниже, немалый объем, если его измерять в числе публикаций и количестве печатных листов (не говоря о значении и разнообразии тематики) – для журнала, существующего только вдвое меньше новой России, возраст которой измеряется пока всего-навсего одним десятилетием. Поэтому такой, сравнительно небольшой юбилей кажется в современных условиях вполне достойным того, чтобы его отметить.

Но есть и более существенное основание для празднования этого юбилея. Примечательно, что оба руководителя журнала: и Л. Е. Гринин, и И. А. Гобозов, главный редактор журнала все эти пять лет, – являются в то же время известными специалистами по философии истории. Неудивительно, что журнал фактически посвящен прежде всего этой, крайне сложной и, по-моему, самой актуальной теме нашей эпохи. Во всем мире существует еще только один журнал того же профиля: «Теория и история. Иссле-

дования в философии истории»*, в котором участвуют философы, историки, социологи и др. специалисты фактически всего мира. Уже одно это сопоставление подчеркивает теоретическую значимость и грандиозность замысла руководителей российского журнала, сконцентрировавшегося на разработке теоретического подхода к истории и, более того, к общественным наукам в целом.

За эти пять лет ФиО сумел внести существенный вклад в развитие теоретического подхода к общественным наукам. Но прежде чем анализировать этот вклад в более содержательном плане, стоит подытожить результаты работы журнала за пять лет в формальных показателях, которые и сами по себе рисуют яркую и поучительную картину. ФиО включает четыре крупных раздела,

---

* History and Theory. Studies in the Philosophy of History. Этот международный журнал, издаваемый в США, существует уже ровно 40 лет (он начал издаваться в 1962 г.). Как и ФиО, он выходит ежеквартально. Аналогичность обоих журналов проявляется в том, что у них, по существу, одинаковы основная тематика и профессиональный состав авторов (которые в отношении ФиО анализируются ниже). Что же касается трактовки этой тематики, то она существенно различна в этих журналах. На мой взгляд, научность подхода к решению теоретических вопросов гораздо выше в ФиО благодаря влиянию научного духа, характерного для марксистской философии истории (даже если исторический материализм не сумел превратиться в полноценную науку), чем в журнале «История и теория», где господствуют модные ныне в западной философии и науках об обществе субъективистские течения, такие как постмодернизм, постструктурализм и деструктивизм, выражающие собой типичные для немарксистских подходов антинаучные тенденции и методы. (Кстати говоря, все подобные течения, в том числе в области социальных наук, подверглись разгромной критике со стороны западных философов науки, эпистемологов и специалистов в области точных наук: см. P. R. Cross, N. Levitt, M. W. Lewis (Eds). The Flight from Science and Reason, NYAS, New York, N.Y., 1996. Антинаучный, антирационалистический, явно иррациональный и просто заумный характер этих течений показывается и в статьях в ФиО: М. А. Карцевой и Е. Н. Коломоец, И. А. Гобозова, В. И. Метлова, В. Н. Кузнецова, Г. Н. Зыковой и др.). Упомянутые подходы бесплодны, в частности и в особенности, в общественных науках. Это доказывается безрезультатностью основанных на них исследований, оказавшихся не только неспособными предложить научно обоснованную общую теорию истории, но и бездоказательно отрицающих самую возможность такой теории. Вот почему, между прочим, название журнала «История и теория» звучит в устах ее руководителей (в частности, Франка Анкерсмита) и авторов бессмысленно, противореча его содержанию. По этой же причине за все 40 лет своего существования журнал не смог в этой области предложить ни одной интересной теории, за исключением, быть может, миросистемных концепций. По крайней мере, его вклад в разработку общей теории истории (я подчеркиваю, именно *общей* теории) близок к нулю, хотя решение более частных проблем (например, революции), при надлежащей реинтерпретации, может быть полезно для детализированной разработки научной теоретической истории (на уровне мезотеорий и микротеорий, из которых последние представлены теоретическими интерпретациями, типичными для историков).

появляющихся в каждом номере: «Теория»; «Из прошлого философии истории и социологии»; «Рецензии, сообщения, информация»; «В помощь преподавателям». Показательны даже чисто количественные характеристики: 25 номеров включают текст объемом почти в 6000 стр., или около 420 печатных листов. Это продукция приблизительно 150 ученых, из которых 100 – авторы со степенью докторов (около 60%) и кандидатов (40%). Перу этих ста особенно высококвалифицированных специалистов принадлежат 150 теоретических статей, в ряде случаев образующих серии (например, предварительная публикация первого наброска книги Л. Е. Гринина «Формации и цивилизации» и, в сущности тоже книги, но меньшего размера, Л. С. Васильева на теоретико-историческую тему «Генеральные очертания исторического процесса», появившуюся в пяти номерах за 1997 и 1998 гг.). Эти статьи составляют содержание первого самого важного раздела журнала, посвященного теории. Отметим, что большинство авторов является докторами и кандидатами по философским наукам, а остальные – по историческим и социальным (лишь некоторые авторы являются специалистами в естественных науках, как, например, геолог В. А. Зубаков). Перу философов принадлежат также многие из материалов, помещенных в других разделах, кроме относящихся ко второму разделу, где публикуются материалы, отражающие прошлое философии истории и социологии, хотя и в отношении этого нельзя не отметить вклада этой же группы авторов, в особенности И. А. Гобозова, в выбор и перевод текстов. В этой связи стоит добавить, что указанный второй раздел («Из прошлого философии истории и социологии») также имеет большое значение, так как он дополняет первый, теоретический раздел. Во втором разделе за пять лет напечатаны отрывки приблизительно из трех десятков произведений выдающихся авторов прошлого и современности – философов, в том числе специалистов по философии истории, историков и социологов. Часть этих работ, опубликованных до революции и во многих случаях до сих пор не переизданных, принадлежит известным русским историкам и историософам (например, Н. И. Карееву), а остальные представляют собой переводы на русский трудов крупных западных философов истории (это или перепечатки из дореволюционных изданий, или сделанные заново переводы, в том числе современными российскими философами и переводчиками): А. Р. Тюрго, Ж.-Ж. Руссо, О. Конта, Г. Спенсера, Дж. Ст. Милля, Г. Риккерта, Г. Зиммеля, Х. Раппопорта, Б. Рассела, современных историософов Р. Дж. Коллингвуда, Р. Арона, западных марксистов

К. Каутского, Р. Гароди, Г. Маркузе. Так как многие из этих работ трудно достать иногда даже в столицах, а тем более на периферии России и в ближнем зарубежье, где живет большинство русскоязычного населения (не говоря о дальнем зарубежье, например, об Израиле), то нельзя переоценить лишь одну эту сторону деятельности журнала.

Перейдем теперь к содержанию ФиО. Журнал особенно важен для тех, кто интересуется теоретическим подходом ко всем общественным наукам, в том числе и прежде всего к истории и социологии, которые разумно рассматривать в этом аспекте как единый комплекс теоретического изучения общества, его состояния (статики) и развития в прошлом, настоящем и вероятном будущем. Это объясняет, почему в названии журнала упоминается общество, а не история (в отличие от американского журнала «История и теория»): последняя подразумевается, так как имеется в виду комплексное изучение общества – как его статического состояния, так и трансформации общественных структур и функций во все времена, включая и будущее (которое является предметом футурологии). Что касается философии, то ее появление в названии журнала также имеет свое, чисто историческое объяснение. Наиболее широкий теоретический подход к истории и даже к социологии был инициирован и развит сначала в рамках философских учений. Достаточно напомнить философию истории периода Просвещения, которая впервые возникла в работах Вольтера, Монтескье, Тюрго, Руссо, Кондорсе и других французских философов 18-го века и развивалась в немецкой философии особенно Гердером в 18-м и Гегелем в 19-м вв. То же самое можно сказать и о социологии, которая сделала свои первые шаги в философских системах Конта и Спенсера. Но если теоретическая социология к концу 19-го и в 20-м вв. отчасти (но все еще далеко не полностью: напомним хотя бы о социальной философии) отделилась от философии, то этого, пожалуй, нельзя сказать о теории истории, которая и по сей день трактуется преимущественно философами истории, хотя нужно сказать, что к решению этой задачи все больше подключаются историки и социологи, заинтересованные в научной разработке теоретических вопросов истории и эволюции общества.

Подобное положение – господство философского подхода в теоретической истории – в теории общественных наук было и в советский период, когда, как известно, единственной официально признанной философской системой являлся диалектический материализм, а в роли теории общественных, в том числе гумани-

тарных наук, в том числе и прежде всего истории, выступал исторический материализм, рассматриваемый в качестве приложения марксистской материалистической философии к теоретическому изучению общественных явлений. Исторический материализм, несмотря на свое название, включал в себя не только теорию истории, но и теоретическую социологию общества (его статику: структуру и функции). Несколько сбивающее с толку название «исторический» (данное Энгельсом после смерти Маркса), а не, скажем, социальный материализм, было следствием ранних взглядов основателей марксизма, которые, вслед за Гегелем, считали, что все науки, в том числе об обществе, по своей природе являются историческими (как и Гегель, они выражались даже еще сильнее, утверждая, что, в сущности, есть только одна наука – история). Потеря истматом положения официальной идеологии в России (как и в ближнем зарубежье, а также в других странах прежнего господства коммунистической идеологии) привела к тому, что в немарксистских подходах его заменили две ветви философской теории общества: философия истории самых разных направлений и столь же разнообразная социальная философия (последняя уже давно в российской философской литературе стала постепенно вытеснять истмат из философии общества), которые только в совокупности охватывают широкую тему, являющуюся предметом исторического материализма.

В соответствии с новой обстановкой журнал с самого начала стремился объединить прежде всего исследователей современной России, а также русскоязычных авторов СНГ и бывших коммунистических стран, работающих над проблемами теории общества и истории. Более того, стали привлекаться и другие зарубежные авторы: британские (известный социолог Э. Гидденс), французские (Ж. Л. Готеро, Д. Жанико, П. Лартома, который входит в Общественный совет редакции журнала ФиО) и греческие философы (А. Келессиду и ставший иностранцем Ф. Х. Кессиди, член Общественного совета редакции), израильские специалисты (какими являются теперь философ С. Э. Крапивенский, член Общественного совета редакции, и историк А. В. Жданко, напечатавший за рассматриваемый пятилетний период три небольшие заметки о философии истории и общества в рамках письма читателя, но продолжающий участие в журнале за пределами этого периода и опубликовавший в № 1 за 2002 г. первую часть большой статьи о кибернетическом подходе к философии истории, вторая часть которой появится в № 1 за 2003 г.). Если добавить учёных Украины (например, из-

вестного историка Ю. В. Павленко) и других стран СНГ, то это лишний раз подчеркнет тот факт, что журнал ФиО с самого начала приобрел международный, хотя еще не всемирный (как у журнала «Теория и история»), характер, к чему, однако, дело явно идет (этому отчасти мешает, пожалуй, лишь статус русского языка в качестве только регионально-международного, а не всемирного, какого добился в наше время английский).

Все перечисленные научные силы включают, как отмечено, в первую очередь философов, преимущественно историософов и социальных философов марксистского и любого иного направления, а также историков-теоретиков, какими являются те историки, которые склонны к достаточно широкому теоретическому осмыслению истории (такие, как Л. С. Васильев – известный специалист по истории стран Востока, не менее известный историк первобытного общества Ю. И. Семенов, украинский историк Ю. В. Павленко, к этой группе можно отнести еще Л. Е. Гринина, по своей исходной профессиональной подготовке историка, но, как и Ю. И. Семенов, также философа истории, и, наконец, А. В. Жданко, о котором можно сказать точно то же, что о Л. Е. Гринине), и социологов, политологов, представителей других ветвей социологии, а сверх того и футурологов как теоретиков форм общества и его истории в предвидимом будущем. Хотя в журнале публикуются работы и на другие философские темы (например, о теории познания, этике и многие иные), тем не менее его основная задача состоит не в том, чтобы дублировать философские печатные органы, такие, скажем, как «Вопросы философии», где частично тоже появляются работы по социальной и исторической философии, а в том, чтобы сосредоточиться преимущественно на этой специальной тематике, включая историю относящихся к ней идей. Кроме русскоязычных авторов (в том числе и дореволюционных), в журнале, как упомянуто выше, печатаются в русском переводе также труды известных иностранных философов прошлого и настоящего. Благодаря этому журнал участвует в заполнении той грандиозной лакуны в указанных областях знания, которая образовалась за приблизительно семь десятков лет искусственной интеллектуальной изоляции России (и шире, почти всего русскоязычного научного сообщества специалистов в общественных науках, в том числе и в особенности, в области теории истории общества, вследствие проведения в области общественных наук политики, основанной на вненаучных (партийно-политических) соображениях.

В журнале «Философия и общество» удалось объединить, как мне кажется, лучшие силы России и даже гораздо шире – всех русскоязычных исследователей зарубежья (и ближнего, т. е. бывшего СССР, и дальнего, стран так называемого «коммунистического лагеря»), и новых русско-язычных эмигрантов различных регионов мира, в том числе Израиля, где сосредоточена самая большая русскоязычная диаспора за пределами СНГ: более одного миллиона человек, среди которых особенно велика доля интеллигенции), сосредоточившихся на теоретическом изучении всех областей общества, включая в первую очередь его историю, будь это философы (историософы и социальные философы), историки, социологи, футурологи или специалисты в иных социально-гуманитарных дисциплинах. Первые три категории – философы, историки и социологи – образуют ядро авторов журнала. Естественно при этом, что многие из них сочетают две или все три специальности. Хотя систематического социологического исследования всего авторского состава журнала – например, не только с точки зрения ученых степеней и званий, но и должностей, географического распределения институтов и учреждений и т. п. – не проводилось, однако на основании предварительного изучения можно сделать, как отчасти показано уже выше, некоторые интересные заключения. Авторы, по крайней мере, теоретических статей в огромном большинстве имеют степень доктора или кандидата наук, чаще всего философских и исторических, и звание профессора или доцента, нередко занимая также положение руководителей кафедр или секторов, отделов, иногда исследовательских центров и институтов (в том числе западных). Среди них преобладают доктора, а в их специальностях – приходится это снова подчеркнуть – главное место занимает философия. Хотя такая характеристика отражает ведущее направление журнала, но это говорит также и о сравнительно слабом интересе историков к теории истории, а социологов – к теоретическому изучению факторов, определяющих не только структуру и функционирование, но и развитие (эволюцию) общества. Фактически, все авторы – работники гуманитарных факультетов большинства вузов – университетов и пединститутов, а также, как уже сказано, исследовательских институтов или иных организаций, не только столичных, но и провинциальных. География их охватывает фактически всю Россию и зарубежье (в основном ближнее).

Попробуем теперь подробнее конкретизировать приведенные выше сведения в отношении как тематики, так и исследователей, вносящих вклад в ее разработку на страницах ФиО. Начать надо

прежде всего с раздела «Теория», сосредоточив при этом внимание – в соответствии с интересами автора этой статьи – преимущественно на теоретическом подходе к истории. Впрочем, и на деле, если не по количеству публикаций, то, кажется, по печатному объему и, безусловно, по своему значению первое место в журнале, в том числе и особенно в теоретическом разделе, как это совершенно естественно для его специализации (в соответствии с замыслами издателя Л. Е. Гринина и главного редактора И. А. Гобозова, которые оба являются философами истории, докторами философских наук), занимают работы по философии истории или по широким схемам исторического процесса. Эти два подхода – чисто философский и преимущественно исторический – далеко не всегда можно разграничить, тем более, что, как замечено выше, некоторые философы истории являются одновременно историками (и наоборот). Впрочем, следует добавить, что не легче разграничить теорию истории и теоретическую социологию, по крайней мере в том случае, когда последняя занимается проблемами эволюции общества (пусть даже только современного).

Среди авторов мы встречаем немало известных философов и историков, о чем мы упоминали выше. Из историков нельзя не отметить еще раз специалиста по первобытному обществу Ю. И. Семенова, который является и широко известным философом истории, востоковеда Л. С. Васильева, украинского историка Ю. В. Павленко, а кроме того, и сибирского историка Н. Н. Крадина. В числе историософов, кроме Ю. И. Семенова, который – мы это уже подчеркивали – является также философом истории, такие известные имена, как: Л. Е. Гринин, который в своей новой, колоссальной по объему и тематическому размаху работе, регулярно публикуемой в ФиО, сопоставляет формационный и цивилизационный подходы к философии истории; И. А. Гобозов, специализирующийся особенно на истории философии истории; О. Ф. Русакова, тоже специалист по истории философии истории; исследователи более специальных теорий истории, в частности цивилизационных: Н. В. Клягин, В. Д. Комарова, М. М. Мчедлова, О. А. Сергеева. Особое место занимает Н. С. Розов, широко подходящий к вопросу о разработке теоретической истории и ведущий уже несколько лет в Интернете постоянную конференцию по этой теме; его заслугой является также введение в поле российской философии истории миросистемного подхода, полезный анализ которого дал и Г. А. Завалько. Очень интересны работы А. П. Бутенко, С. И. Гончарука, В. С. Кржевова, которые

вносят интересные новации в исторический материализм, в том числе в теорию формаций и их смены, или делают полезные замечания по поводу принципов истмата и его пробелов (об этом см. ниже), В. Д. Комарова, не только ставящего задачу философски осмыслить цивилизацию и цивилизационные теории, но и затрагивающего очень важную и сравнительно мало разработанную в русскоязычной литературе (если не считать догматических марксистских работ) тему, какой является философия техники, Т. В. Панфиловой, которая поднимает важные вопросы о возможности общей теории истории и ее обновления, А. М. Селезнева (о революции) и многих др. Зарубежный русский историк-теоретик А. В. Жданко предлагает новый подход к общей теории истории, существенно модернизирующий и преобразующий исторический материализм в своего рода «исторический идеализм», но, как это ни странно, сугубо материалистического характера (об этом также ниже).

Быть может, в связи с формальным (преимущественно с точки зрения вклада авторов) анализом публикаций стоило бы указать и на еще одну примечательную их черту: статьи нередко образуют серии – нечто вроде книг, иногда даже очень значительных по общему объему. Не говоря об упомянутой грандиозной работе Л. Е. Гринина (относительно которой, как читатель, я могу выразить только одно сожаление, а именно, что она еще не появилась в виде книги и поэтому недоступна достаточно широкому читательскому кругу; да и регулярным получателям журнала все же было бы много удобнее держать в руках законченную целую книгу столь сложного и многостороннего описания исторического процесса, притом на разных уровнях обобщения и с подробными методологическими экскурсами дискуссионного и потому плодотворного характера), нужно особо выделить серийные публикации, например, В. С. Васильева и В. А. Зубакова. Сюда же можно отнести и работы А. В. Жданко, особенно публикуемые за пределами рассматриваемого периода и образующие даже формально серию из двух статей, одна из которых, как отмечено выше, уже вышла в № 1 за 2002, а другая появится ровно через год, в № 1 за 2003 г.; но содержательно эта серия вряд ли остановится только на упомянутых трех публикациях. Но кроме формальных серий статей, можно выделить и неформальные серии, какими, без сомнения, являются по своему содержанию статьи Н. С. Разина и, в определенной степени, Ю. И. Семенова, не говоря уж о многочисленных публикациях И. А. Гобозова. Эти серии – заслуга не только авторов, но, безусловно, и журнала, про-

водящего политику поощрения таких формальных и неформальных серийных публикаций, так как это позволяет существенно углубить и обогатить вклад авторов в разработку теории истории (включая футурологию). Я бы сказал, что очень редко журналы, в том числе и западные, позволяют себе проводить подобную политику, существенно содействующую реализации творческих потенций исследователей в области общественных, особенно гуманитарных, наук, обкатке идей и текстов и тем самым последующему выпуску научных работ – монографий и обобщающих трудов – высокого класса в этой области знания, столь задержавшейся в своем развитии за годы отсутствия свободы исследований и публикаций по такого рода тематике. А между тем Россия особенно нуждается в развитии гуманитарных наук, в том числе истории, без учета опыта которой невозможно разработать достаточно эффективную стратегию, позволяющую стране как можно быстрее и легче выбраться из современного нелегкого положения и занять подобающее ей место в мире.

Для более полной оценки значения теоретического отдела журнала необходимо указать на некоторые важные идеи в области философии истории, которые в русскоязычной научной и философской литературе хотя и были поставлены уже давно, еще до распада СССР, но особенно усиленно дебатировались (преимущественно российскими философами истории и историками) на страницах журнала «Философия и общество» в течение рассматриваемого пятилетия. Наиболее интересными, по-видимому, могут оказаться прежде всего две новации: во-первых, попытки переосмыслить периодизацию истории, в том числе марксистскую теорию этапов, соответствующих смене формаций, и, во-вторых, в более широком и весьма абстрактном теоретическом плане, по-новому подойти к вопросу о решающих факторах в жизни и истории общества.

В отношении периодизации большое значение имеет переоценка так называемой пятичленки. Все более очевидным становится, что и античность, в которой существенную (но далеко не всегда и не во всех отношениях преобладающую) роль играло рабовладение, и феодализм, с его раздробленностью и иерархической системой организации власти, а в известном смысле, и централизованные монархии периода абсолютизма, переходного уже к современному обществу, условно называемому капитализмом, – одним словом, все эти исторические формы, взятые вместе, представляют собой не общеобязательные стадии развития любого общества, а лишь особенные формы, которые возникли в

специфических обстоятельствах Европы, преимущественно Западной (а в отношении феодализма, также в Центральной, а отчасти и в Восточной). В этой связи, например, теряет свой смысл дискуссия, в каком периодизационном отношении находятся друг к другу античный и так называемый «азиатский» способы производства и соответствующие формы общества в целом, или формации. Это частные варианты одного и того же общества древности и/или средневековья. К этим выводам приходят, например, Л. С. Васильев и Л. Е. Гринин. Наиболее правдоподобной и лучше соответствующей историческим фактам периодизацией является другая, двойственная схема прошлой истории, также предложенная Марксом, а именно, деление только на два этапа: первичной (первобытный период) и вторичной (эпоха цивилизации) общественных формаций. Эта периодизация – при включении, согласно идеям Маркса, также предполагаемой в будущем коммунистической общественной системы – преобразуется в тройственную схему (так сказать «трехчленку»). Однако ныне, когда вопрос о будущем общественном строе стоит под вопросом даже для марксистов, не говоря о немарксистских социологах и футурологах, приходится пока придерживаться преимущественно указанной широкой схемы двойственной периодизации прошлой истории общества.

Эта «двухчленка» допускает и важные подразделения каждого из двух укрупненных периодов на подпериоды. Так первобытное общество явно проходит две стадии, по крайней мере, с точки зрения форм производства: это стадии присваивающего и производящего хозяйства. А в плане организации общества также можно выделить два этапа: родового (правда, скорее как гипотезу, так как, насколько известно, организации, более примитивной, чем родовая, и поэтому предположительно предшествующей последней, пока не обнаружено ни в исторических свидетельствах, ни среди этносов, описанных специалистами по так называемой культурной антропологии, в англоязычной терминологии, или этнографии, или же этнологии согласно новой терминологии, заимствованной российской наукой у французских специалистов) и родовой строй. Вопрос же о разложении родового общества и постепенной замены его цивилизацией, одним из важнейших признаков которой служит государство, является сложной и еще далеко не достаточно изученной проблемой, включающей, в частности, анализ сущности так называемой военной демократии, или, как сегодня принято говорить, вождества, и других форм первобытного общества и фаз – экономических, политических и

социальных – его трансформации в цивилизацию (в историческом, а не в историософском смысле этого термина). Возможно и разбиение эпохи цивилизации по разным критериям на особые подпериоды, например, по производственному принципу на период господства натурального хозяйства (в европейских – даже античных, не говоря о феодальных – и в азиатских обществах как древних, так и средневековых, но последним, однако, далеко не во всех случаях подходит европейский термин «феодальные», если иметь в виду соответствующую политическую раздробленность и формы иерархии), и период преобладания торгово-рыночной промышленной экономики, или капитализма, возникшего впервые в Европе и Северной Америке, но широко распространившегося в новое время на другие части света и континенты. Но на специфическом, а не всеобщем историческом характере даже капитализма настаивают некоторые теоретики (социологи и историки), особенно сторонники миросистемных теорий. Существуют и иные подразделения эпохи цивилизации, в частности, в первой фазе ее истории выделяют, вслед за Ясперсом, осевое время по признаку духовного переворота, выразившегося в появлении мировых религий (С. Э. Крапивенский развивает эту идею и добавляет второе осевое время, начавшееся в нашу эпоху), а в капитализме – мануфактурный, индустриальный и информационный (самый современный) этапы. Предлагаются разные комбинации этих и иных подходов. Однако все новые схемы периодизации, основанные на формационном, цивилизационном, миросистемном и других подходах или на той или иной их комбинации и при этом нередко отчасти (если не полностью) отражающие марксистские взгляды и критерии, находятся все еще лишь в стадии формирования, например, в работах уже упомянутых выше историков и историософов, таких как Л. С. Васильев, Л. Е. Гринин, Н. С. Розов, Ю. И. Семенов. Особо следует выделить серию статей В. А. Зубакова, развивающего идеи своей ранее опубликованной книги и предлагающего – для обоснования явно алармистской футурологии – новую теорию, в которой, как и в теории А. В. Жданко, история общества рассматривается как продолжение эволюции Вселенной, сначала химической, затем биологической и, в предвидимом будущем, возможно, чисто технической. В этих широких рамках он дает оригинальную схему периодизации истории общества, выдвигая также предложения, которые могли бы если не предотвратить постсоциальную техническую стадию, то хотя бы замедлить разрушение экологии, необходимой для существования человечества (но если иметь в ви-

ду чисто экологические проблемы, то тревоги за будущее человеческого общества пока что трудно строго научно обосновать эмпирически и теоретически), и в то же время отодвинуть во времени начало технической стадии эволюции (возможность – и тем более неизбежность – наступления которой, по нашему мнению, далеко не достаточно аргументирована в работах этого геолога и теоретика-эволюциониста).

Но проблема периодизации не может быть решена без второй из упомянутых выше новаций, которая предполагает дальнейшую разработку общей теории истории, центральное место в которой занимает вопрос о ведущих силах и факторах исторического процесса. Хотя все еще сохраняет свое влияние и даже в известной мере развивается и обогащается (детальными и аргументами) марксистская концепция о решающем значении материальных факторов, эта концепция, основанная на отождествлении материального производства с материальной стороной общества, все чаще ставится под сомнение (в том числе такими известными марксистами, как А. П. Бутенко, С. И. Гончарук и др., к которым можно отнести и В. А. Зубакова), так как даже производственная система, не говоря о других сферах общества (например, так называемой надстройке), включает не только материальные, но и идеальные (знания, прежде всего технические и технологические) компоненты, т. е. если говорить о производстве, то не только материальные, но и идеальные производительные силы. В этой связи А. П. Бутенко выдвигает идею, что на современном этапе наука заменяет труд в роли непосредственной производительной силы и подробно развивает ее, далеко отходя от стандартных принципов марксистской экономической теории (например, относительно трудовой стоимости) и истмата, что прежде было невозможно; но при этом он фактически лишь развивает идею, которая вытекает из характеристики науки, данной еще Марксом и давно принятой в советском марксизме, несмотря на то, что признание науки – типичного идеального фактора – производительной силой с самого начала была несовместима с принципами истмата. С. И. Гончарук идет еще дальше и, обобщая, выдвигает общетеоретический (и тем самым уже и философский) принцип первичности общественного сознания в функциональном отношении, хотя сохраняет тезис о первичности общественного бытия в субстанциональном плане (но, к сожалению, не развивает подробно эту двойственную идею приоритета: и идеального, и материального). В. Н. Кржевов критически подходит к центральному пункту истмата – принципу первичности материального и вторично-

сти идеального в обществе, подвергая его сомнению в том же духе, в каком это делают (фактически или в явной теоретической форме) два выше упомянутых теоретика. И В. А. Зубаков, для объяснения движущей силы всей эволюции, в том числе истории общества, выдвигает информацию, т. е. все тот же идеальный фактор. Наконец, А. В. Жданко (особенно подробно в упомянутой выше работе, первая часть которой опубликована в № 1 за 2002 г.) ставит эту же проблему в самом общем философском виде, предлагая новый, более современный вариант материализма, который можно определить как неоматериализм и приложение которого к обществу и истории позволяет преобразовать устаревший исторический материализм в совершенно иную форму. Эту форму можно было бы, как сказано выше, дословно назвать «историческим идеализмом», так как выдвигается принцип решающей роли идей (знания, сознания) в статике и динамике (истории) общества. Но, исходя из концепций неоматериализма, показывается, что такой исторический идеализм – при более глубоком материалистическом понимании сущности идей (как модели мира) и их воздействия на общество – есть лишь более сложная форма приложения принципов материалистической философии (при условии ее трансформации в неоматериализм) к общественным явлениям, в том числе к истории, т. е. это более современная форма исторического материализма. Стоит подчеркнуть, что в связи с неизбежной критикой марксизма, в том числе конструктивной, направленной на развитие идей истмата, немало статей в журнале посвящено марксистской теории истории (например, В. С. Кржевова, В. И. Метлова, Д. В. Джохадзе и др.).

Менее значительное место в журнале занимает социальная философия и социология, в том числе эволюционная макросоциология (в той мере, в какой ее можно отделить от философии истории, если такое отделение вообще возможно), политология, включая геополитику, футурология (статьи С. Э. Крапивенского, В. А. Зубакова и др.), а также другие разделы социальных наук, в том числе их история (например, статья Е. Л. Петренко и статья М. В. Пашкова и А. Н. Соколова: обе о О. Конте). Из работ о собственно социологии можно, например, отметить публикации В. С. Грехнева, С. И. Гончарука, С. Э. Крапивенского, К. Х. Момджяна, Е. П. Поликановой. Важное значение для журнала, посвященного философским методам теоретизации общественных наук, имеет разработка фундаментальных общеполитических вопросов, в том числе теории познания, а также проблем истории философии такими авторами, как С. Э. Крапивенский (об основ-

ном вопросе философии), В. И. Метлов (о диалектике), М. А. Маслин, А. Р. Геворкян, Д. В. Джохадзе, Л. Г. Джахая, В. Ю. Ивлев, Ф. Х. Кессиди, М. Е. Добрускин, Ю. Я. Дмитриев, В. В. Денисов, В. Н. Веселовский, М. Т. Андриюшенко (о познании) и др.

Особо следовало бы упомянуть о разделе «В помощь преподавателям», где были опубликованы полезные лекции и учебные программы по философии истории (И. А. Гобозова), об эволюционной и революционной форме развития общества (И. И. Шевчука), по социальной философии и отчасти по теории развития общества (В. С. Грехнева и К. Х. Момджяна), по философии (С. Э. Крапивенского и др.), по истории русской философии (М. А. Маслина с другими авторами). Публикации этого раздела фактически представляют собой дополнение теоретического отдела, но с педагогическим уклоном, который особенно ярко выражен в господствующей в этом разделе форме учебных программ.

Наконец, нужно хотя бы кратко дать оценку вспомогательного раздела «Рецензии, сообщения, информация». Если разделы «Из прошлого философии и социологии» и «В помощь преподавателям» вносят свой вклад в развитие и разъяснение тематики теоретического раздела, то вспомогательный раздел дополняет этот вклад с самых разнообразных сторон: в отношении анализа новых теоретических книг – переведенных и непереведенных – российских и зарубежных авторов, обсуждения тематики прошедших или новых конгрессов и конференций по основным темам журнала и т. д. Нужно отметить, что этот обычно принятый раздел научного журнала ведется необычайно хорошо, очень богат материалами и информацией и оказывает большую помощь исследователям и преподавателям истории и философии истории, социологии и социальной философии и близких им дисциплин (например, этнологии, философской и социальной антропологии, философии и истории техники, экономики и т. п.). Далеко не всякий журнал может похвастаться таким замечательным информационным разделом.

Наконец, следовало бы особо отметить, что с точки зрения социологии науки, как показывает далеко не полный анализ тематики статей и взаимосвязи их содержания, в авторском коллективе журнала стали уже образовываться «невидимые колледжи», своего рода школы или течения, возникать как бы заочные симпозиумы и семинары, если не целые конференции, по ряду принципиально важных проблем философии истории и социальной

философии (как замечено выше, эти две отрасли философии и гуманитарных наук нередко нелегко разграничить, так как они не разделены непроходимой стеной). Я считаю это также крайне важной заслугой журнала, той атмосферы свободы, непринужденности и плодотворности дискуссий, которая в нем создана благодаря соответствующей политике, проводимой вполне намеренно его издателем Л. Е. Грининым и главным редактором И. А. Гобозовым. Никакой навязчивости в выборе тем публикаций, никакого диктата или авторитарности, если не в указаниях авторам, что в наше время невозможно, то в выборе статей для публикации, что на Западе прекрасным образом существует во многих журналах, особенно философского и вообще гуманитарного профиля, в том числе, как отмечено в начале данной заметки (в сноске), в американском журнале «История и теория». (Замечу в скобках, что постмодернисты особенно склонны к авторитаризму вопреки – а может быть, именно вследствие – своим широкообещающим декларациям о равноправности всех подходов, идей и концепций: практика, как всегда, расходится и тут с теорией.) Я считаю, что такое бережное и истинно демократическое (в высшем и самом широком смысле этого слова) отношение руководителей журнала к интеллектуальной продукции – в наше время, правда, сравнительно широко распространенное в российской (но далеко не во всей западной) практике издания научной гуманитарной литературы – является серьезным инструментом и стимулом столь необходимого развития в России теоретического подхода в общественных науках, в частности, в гуманитарной области, особенно хрупкой, ранимой и наиболее подверженной разрушительному воздействию авторитарного подхода в науке.

В заключение нельзя также не добавить, что все успехи журнала являются крупной заслугой его издателя Л. Е. Гринина и главного редактора И. А. Гобозова, которые всего за пять лет – срок незначительный для такого рода издания – сумели реализовать упомянутый в начале статьи грандиозный замысел (план, или проект) по созданию серьезного журнала, посвященного преимущественно теоретическому осмыслению общественных наук, в том числе – что, по-моему, особенно важно и нужно – истории, объединив в этих целях весьма широкий круг высококвалифицированных специалистов, в основном русскоязычных, России и СНГ. Это было далеко не легкой задачей. Стоило бы особо отметить, что в материальном плане выполнение столь грандиозной задачи взял на себя пока лишь один человек, частный предприниматель, притом не принадлежащий к кругу современных рос-

сийских мультимиллионеров и миллиардеров, или так называемых «олигархов». А задача эта требует вложения немалых средств. То, что легко может позволить себе крупный американский журнал, финансируемый богатейшими спонсорами мира, является серьезной нагрузкой на российский журнал и его единственного «спонсора», к тому же одного из самых плодovitых авторов того же журнала, творческое участие в котором требует от него огромных затрат времени и сил. Хочется надеяться, что российские государственные учреждения (например, министерство культуры) и частные фонды, наконец, обратят внимание на журнал «Философия и общество», поймут колоссальное научное значение той миссии, которую взвалил на свои плечи доктор философских наук Леонид Ефимович Гринин, и поддержат его «великий почин». Давно бы пора!

В заключение, от имени всех авторов и читателей, хочу пожелать долгих лет жизни журналу «Философия и общество» и обоим его руководителям, которым журнал обязан своими замечательными достижениями.